

УДК 94(470)

1917 ГОД – КРАХ ИДЕАЛА ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

**Г.В. ЛОБАЧЕВА
А.К. КАРАБУТ**

*Саратовский
государственный
технический
университет*

e-mail: karabutak@sstu.ru

Проанализирована динамика отношения российского общества к монархии в годы Первой мировой войны, выявлены причины резких колебаний настроения россиян, прокомментированы оценки современниками исторических событий 1917 года, показано, что диссонанс между укорененным в массовом сознании идеальным образом царя и реальной фигурой последнего русского императора усугубил системный кризис государства, явился побудительной силой общественной активности и обусловил катастрофические последствия социально-политических преобразований.

Ключевые слова: монархия, русская революция, настроение масс, мнения современников.

В 1917 году завершился монархический этап развития российской государственности. Но в какой мере политические реалии были обусловлены и в какой степени отражали доминанты общественного сознания? Что ушло в прошлое: династия и политический строй, идеал и система ценностей, образ и миф? Историки по-разному отвечали и отвечают на эти вопросы. Сотни публикаций посвящены проблемам российской революции 1917 года, однако аспекты личностного восприятия и оценки этих событий современниками изучены и обобщены лишь фрагментарно.

Нестабильность общественного настроения россиян в годы первой мировой войны объяснялась ее тяготами. Война, столь тяжелая для России, усугубила острейшие противоречия и конфликты. Причины народного недовольства были понятны. Н. Добрынин, один из постоянных корреспондентов Николая II, писал: «Вас систематически обманывают, представляя, что внутри государства все благополучно... внутри России власть имущие грабят, разоряют и доводят до нищеты и голода. Так что у людей, умеющих распознавать действительное настроение общества, составилось убеждение, что после окончания внешней войны, если все будет продолжаться как теперь, начнется внутренняя война, в виде самой страшной революции»¹. Настроение масс даже в глубоком тылу, в частности, в Саратовской губернии, по свидетельству полиции, было «чрезвычайно чутким и нервным...сельское население: старики – в большинстве монархисты; средний возраст – оппозиционные; молодежь – хулиганствующий элемент; городская интеллигенция в подавляющем большинстве левая»². Вина за военные неудачи, неурядицы в тылу возлагалась на императорскую чету. «Тяжелое испытание, имевшее место летом (1915 год – Г.Л.), потрясло веру в правителей, пробудив критическое отношение, как к ним, так и к принципу "царизма"»³, – писал неизвестный автор А.И. Гучкову.

Народная вера в монарха стремительно уступала место ненависти. «В России сейчас все делается, чтобы погубить Россию. Каждый шаг правительства направлен к этому. Кажется, еще никогда не было такого развала внутри страны, как сейчас. Наверное, это все разрешится в ближайшем будущем, и разрешится, конечно, катастро-

¹ Н. Добрынин Николаю II. 5 мая 1915 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 472. Оп. 40. 194/2682. Д. 90. Л. 276. (Здесь и далее в цитатах из различных текстов приводится современная система орфографии независимо от орфографии источника. Иногда сохранен характерный авторский вариант, в таких случаях отличия в написании, связанные с реформой письменности 1918 года, не принимались во внимание).

² Донесение начальника Саратовского губернского жандармского управления департаменту полиции от 01.06.1915 г. за № 40660. // Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 53. Оп. 8. 1915 г. Д. 21. Л. 22, 23 об, 24 об.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 555. Оп. 1. Д. 608. Л. 1 об.

фой», – записала в дневнике княгиня Е.Н. Сайн-Витгенштейн⁴. Тяжелое предчувствие сквозило и в письме такой же далекой от политики женщины – Э. Берви-Флеровской: «До тяжелых времен мы дожили, есть ли у кого радость на сердце. Думаю, что у немногих»⁵. «Последующие события ясно показали, что в ноябре 1916 г. бывший император даже для простодушных людей уже не мог быть символом единства и величия России», – писала учительница Е. Лопатина из Ростова⁶.

Иллюзии Николая II о незыблемости его авторитета поддерживали черносотенные лидеры. «Подавляющее большинство, – писали монархисты из Киева, – коренной русский народ, несмотря на усиленную пропаганду революционных идей местной левой печатью, по-прежнему остается глубоко консервативным во всех областях политической, социально-общественной и религиозной жизни, по-прежнему твердо придерживается традиционных воззрений на самодержавных русских царей, как на единственный источник преобладающей власти в русском государстве»⁷. Но эти суждения были далеки от реальности. П.П. Рябушинский назвал сложившуюся ситуацию «великой трагедией русского народа, когда он душевно порвал со своей властью»⁸.

С 23 февраля 1917 года в столице начались беспорядки. Движение приобретало антицаристскую направленность. Антимонархические настроения в революционной среде нарастали. Единодушие и ожесточенность восставших в отрицании царизма настораживала кого?. Уже 28 февраля на заседании ЦК кадетской партии прозвучали мнения о нежелательности монархического образа правления⁹, резкие суждения о династии высказывались в Исполкоме Петроградского совета¹⁰, в ночь с 1 на 2 марта Временным комитетом Государственной думы, как свидетельствовал А.Ф. Керенский, «почти единодушно было принято решение, что будущее государственное устройство страны будет определено Учредительным собранием. Тем самым монархия была навечно упразднена и сдана в архив истории»¹².

Г.А. Князев в записной книжке 3 марта пересказывал настроения петроградских улиц: «На углу спорили о чем-то. Я прислушался. – «Э, династию-то оставить хочется. Шалишь...». – Горячился один в кондукторском пальто. – «Не надо больше. – Вишь, опять за Романовых», – пролепетала какая-то баба. – «Нет, шалишь, конечно!» – оказывается разговаривавшие не спорили, но негодовали против царствующего дома. Простой народ, даже бабенки, и слушать не хотят об оставлении династии. – «Знаем мы, опять заберут волю. Для чего же кровь-то проливали тогда»¹³. Аналогичное настроение отмечалось и в провинции, в частности, в Саратове. «На улицах растут толпы народа... манифестации с красными знаменами... У редакций газет скопление народа было чрезвычайным. Телеграммы читались с неслыханной жадностью. Перечитывались вслух: «Мы, Николай второй! – И последний», – добавляет

⁴ Кн. Е.Н. Сайн-Витгенштейн. Дневник. Paris, 1986. С. 77.

⁵ Э. Берви-Флеровская А.Н. и В.А. Велтистовым. 16 января 1917 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 1348. Оп. 4. Д. 51. Л. 2 об.

⁶ Е. Лопатина М.В. Родзянко. 26 марта 1917 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1360. Л. 29 об.

⁷ Записка без подписи («Православно-русские круги г. Киева») о необходимости усиления репрессий против революционного и либерального движения и газет (январь 1917 г.) // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1066. Л. 2.

⁸ Рябушинский П.П. Речь в купеческом обществе на приеме представителей союзных держав 27 января 1917 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 260. Карт. 1. Д. 26. Л. 1.

⁹ См.: Старцев В.И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте - апреле 1917 г. М., 1978. С. 16-19; Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 48.

¹⁰ См.: Думова Н.Г. Кончилось ваше время. М., 1990. С. 29.

¹¹ См.: Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 80.

¹² Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 144.

¹³ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915-1922 гг. // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 126.

громкий возглас из толпы. Это замечание вызывает восторженные крики: «Долой самодержавие!»¹⁴.

Свержение монархии было неожиданным для многих современников: «Февральская революция 1917 года разразилась внезапно. Не было той подготовительной, долговременной лихорадки, которая предшествовала революции 1905 года. Переворот совершился с невероятной быстротой. Старый прядок пал, как падает прелое яблоко с дерева»¹⁵, – вспоминал С.Н. Ставровский. «Не верилось в то, что старая власть пала, – записал в дневнике 8 марта петербуржец Г.А. Князев. – Для нас все происходившее скорее было бунтом, чем подвигом революции. Помню только, что мы не радовались. Только... 1 марта мы осознали, что во главе всего движения стоит Государственная дума и всем руководит Родзянко. Тогда мы успокоились»¹⁶. Тем более в провинции не могли предугадать столь кардинальных перемен. «Известие о падении самодержавия явилось для Саратова неожиданным», – свидетельствовал Ф. Морозов¹⁷.

Неожиданность интуитивно предчувствовавшихся политических перемен, необходимость которых обществом было давно осознана и расценивалась как благо, их сравнительная «легкость», даже усилили эмоциональный эффект революции. «Теплое мартовское солнышко, весенний воздух, тающий снег, ярко-красные знамена, веселые лица – все это гармонировало с ярким чувством освобождения, с радужными надеждами на близкое и славное будущее», – образно описывал свое состояние С.Н. Ставровский¹⁸.

Народ впал в состояние эйфории. «Ликованию и восторгам нет конца»,¹⁹ «в голове и груди пребывание чего-то страшного, непонятного и разом закричали голосом освобождения... опьянение, голова кружится»²⁰. Число писем, телеграмм, приветствий по случаю свержения самодержавия, полученных Временным правительством (около шести тысяч двухсот), в четыре раза превзошло количество адресов в честь 300-летия дома Романовых²¹, искренностью же и восторженностью эти послания не уступали прежним, промонархическим. Граждане с удовлетворением восприняли «ниспровержение старого отгнившего режима»²², уход «постыдного прошлого России» и «сокрушение вредного для России правительства»²³.

Вера в лучшее будущее, чувство столь характерное для человека, сколь и обманчивое, преобладала над горечью потери даже у тех, кто был против кардинальных политических перемен. В.В. Розанов писал П.Б. Струве: «Недели 2 я считал Россию зачеркнутой. С Ярославом Мудрым, Владимиром Мономахом, князьями Черниговскими. Тут дело не в революции и не в низложении этого лично государя, а в том, что бурно и безумно рвется прийти на смену «бывшему», весь этот низкий, грубый, деревянный социализм на место живых тканей организма, пусть порочных, пусть ужасных – и все-таки живых. «Живая» даже гниль казалась мне лучше механики. И так, – погубило. Я ставил точку и клялся только ненавидеть и проклинать... Недели через 2 у меня возникла реакция. И я почти сказал «Очень рад! Теперь-то все пойдет хорошо». Мне показалась именно революция пунктом начала настоящей здоровой, а главное

¹⁴ Морозов Ф. Февральская революция в Саратове // Февраль. Сб. воспоминаний о 1917 г. Саратов, 1922. С. 30.

¹⁵ Ставровский С.Н. Черные годы или «Bestia triumphalis» (1917-1922) // Минувшее. Исторический альманах. М., СПб., 1993. Вып. 14. С. 10.

¹⁶ Князев Г. А. Указ. соч. С. 143.

¹⁷ Морозов Ф. Указ. соч. С. 24.

¹⁸ Ставровский С.Н. Указ. соч. С. 11.

¹⁹ Кульманов П. Перед грозой (Воспоминания о февральской революции) // Февраль. Сб. воспоминаний о 1917 г. С. 22.

²⁰ Чаган З. В царских окопах // Февраль. Сб. воспоминаний о 1917 г. С. 61.

²¹ Подсчитано авторами по: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1253-1360.

²² Телеграмма рабочих Шольского завода Нижегородской губернии М.В. Родзянко. 14 марта 1917 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1280. Л. 68.

²³ Речь Рябушинского П.П. При открытии Всероссийского Торгово-промышленного съезда 19 марта 1917 г. // ОР РГБ Ф. 260. Карт. П. Д. 20. Л. 1, 3.

сильной и побеждающей борьбы с революцией как «распадом». Просто, меня как осенило»²⁴.

К отречению Николая II от престола отнеслись по-разному. На монархистов это произвело «крайне тяжкое впечатление»²⁵. «вызвавшее предчувствие мрачных и тяжелых последствий»²⁶, но «слепых приверженцев династии было, однако, немного – исключительно среди военных»²⁷. С удивлением современники подметили: «Охотников как-нибудь защищать павшую монархию не нашлось никаких. Даже самые близкие к государю лица бросили его в последнюю минуту и спасали свою шкуру, кто как мог»²⁸.

День ото дня ряды сторонников республики увеличивались: «У нас преобладает, кажется, течение в пользу республики. Нас, конституционалистов, немного», – замечал в дневнике 6 марта 1917 года Г.А. Князев²⁹. Член Государственной думы Н. Родзевич констатировал, что солдаты, с которыми он встречался во время командировок в действующую армию, «восторженными кликами проявляли свою верность идее народовластия»³⁰. Солдаты обращались с просьбами к Временному правительству «не поднимать вопроса об избрании какого бы то ни было самодержца», поскольку «для исстрадавшейся России достаточно прежних тиранов»³¹.

Подогреваемая хлесткими публикациями росла волна ненависти к свергнутой династии. «Великий поток словесного гноя полился на Россию из уст новых ее правителей грязным валом, встала над ней ненависть и злоба обезумевшей солдатчины, мастеровщины и «освобожденного народа». Первые всплески этого вала обрушились на беззащитную царскую семью. Не было тогда ослиного копыта, которое не лягнуло бы то, перед чем пресмыкалось еще так недавно»³².

Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 3 марта 1917 года признал целесообразным арестовать императора³³, о своем возмущении по поводу свободного перемещения по стране членов дома Романовых 7 марта заявили депутаты Петросовета³⁴. Временное правительство приняло решение об аресте императорской семьи.

После ареста бывшего императора в адрес Временного правительства поступали письма с просьбами «держать его (Николая Романова – Г.Л.) строже, чтобы не убежал и не навредил новому строю»³⁵. Бестактным подчас было отношение к арестованным солдатам, их охранявшим, публики, приходившей поглазеть на свергнутого кумира³⁶. Ненависть вызывали даже символы монархии. Митрополит Вениамин описал характерный для того времени эпизод уничтожения царского герба: «Разумеется, революционному сердцу данного горячего момента было непереносимо видеть остатки царизма. Солдат (с трудом и риском для жизни сбивший герб с крыши трехэтажного здания Харьковского университета – Г.Л.) с торжеством исполненной

²⁴ В.В. Розанов П.Б. Струве. Весна 1917 г. // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 125.

²⁵ Еланчин Н. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 453.

²⁶ Мордвинов А.А., полк. Последние дни императора // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. С. 128.

²⁷ Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 61.

²⁸ Ставровский С.Н. Указ. соч. С. 10.

²⁹ Князев Г.А. Указ. соч. С. 137.

³⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 38.

³¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1257. Л. 38.

³² Тихменев Н.В. Из воспоминаний о последних днях пребывания императора Николая II в Ставке. Ницца, 1925. С. 15.

³³ Протокол заседания Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 3 марта 1917 г. // Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 96.

³⁴ См.: Буранов Ю., Хрусталева В. Гибель императорского дома 1917-1919 гг. М., 1992. С. 61.

³⁵ Телеграмма рабочих Шольского завода Нижегородской губернии М.В. Родзянко. 24 марта 1917 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1280. Л. 68.

³⁶ См.: Мельник Т. (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921. С. 32.

большой задачи сполз в слуховое окно крыши»³⁷. Г.А. Князев же в дневнике с горечью отметил: «Из Синода, из зала заседаний вынесли царское кресло, символ цезарепапизма. Его сдвинули с места докладчик и митрополит Владимир, потом, при молчании иерархов, кресло было вынесено»³⁸.

Но отношение к свергнутому императору было все же неоднозначным. После отречения, вспоминал Н.М. Тихменев, – «государь ездил в закрытом автомобиле. Из тех, которые узнавали, некоторые приветствовали его. Были и такие, которые узнавали и отворачивались, делая вид, что не замечают. Были и такие, которые узнавали, не отворачивались, но и не кланялись, были такие, которые останавливались, становились на колени и кланялись в землю»³⁹. «Так стыдно было перед ним за все случившееся», – вспоминал А.А. Мордвинов⁴⁰. Трогательным было прощание государя со Ставкой: «Судорожные всхлипывания и вскрики не прекращались. Офицеры Георгиевского батальона – люди, по большей части, несколько раз раненные – не выдерживали: двое из них упали в обморок»⁴¹.

Мнения крестьян пересказывал И.В. Наживин: «Собравшись где-нибудь на завалинке, разъясняли один другому, что республика, это когда царь бывает вроде как староста, выборный: Хорош – ходи еще три года, не угодил – по шапке. И балбесам льстила эта будущая возможность давать царю по шапке, но хозяйственные, степенные мужики не одобряли... Но громко, вслух, при всех говорить это остерегались»⁴². В письмах, поступавших в Петроградский совет, были не только предложения судить бывшего императора, но и голоса в его защиту⁴³.

В Николае II разочаровались, но в глубинах подсознания жил и продолжал в какой-то мере определять поведение людей образ идеального царя. Новые кумиры были недолговечны. С.В. Милицын, офицер, описал в дневнике эпизод, иллюстрировавший этот феномен: «Имя Керенского слишком ненавистно. Странно, ему в особенности ставят в вину, что он спит на царской кровати. Об этом кто-то пустил сплетню, и она попала в цель. Если автор сплетни учитывал психику солдата, то он, несомненно, тонкий психолог. Хотя русский солдат и стал товарищем и гражданином республики, но в тайниках души у него еще сохранилось испуганное обаяние некоторых предметов и символов. Конечно, я говорю не обо всех. Есть много отъявленных мерзавцев среди солдат, для которых ничего святого и запретного нет. Я имею в виду преображенцев, которых знаю. И я уверен, что ни один из них не решился бы осквернить кровать Александра III. «А Керенский, – говорят, – по ней валяется». И солдаты негодуют: «А может сам в цари метит»»⁴⁴.

Кто-то оставался искренне преданным монархии. В адрес Николая II поступали письма, полные сочувствия: «Кружок преданных приносит Вашему величеству свою искреннюю печаль и горячее сочувствие»⁴⁵, «есть люди, готовые вам служить»⁴⁶, «наши сердца и мысли всегда с Вами»⁴⁷, «остались сердца, в которых жил и будет жить образ нашего обожаемого государя»⁴⁸. Некоторые испытывали простую

³⁷ Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 134.

³⁸ Князев Г.А. Указ. соч. Запись 6 марта 1917 г. С. 137.

³⁹ Тихменев Н.М. Указ. соч. С. 25-26.

⁴⁰ Мордвинов А.А. Указ соч. С. 124.

⁴¹ Тихменев Н.М., ген. Последний приезд Николая II в Могилев // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. С. 212.

⁴² Наживин И.В. Записки о революции. Вена, 1921. С. 13.

⁴³ См.: Соболев Г. Письма из 1917 года // Коммунист. 1989. №. 15. С. 6.

⁴⁴ Милицын С.В. Из моей тетради (Последние дни Преображенского полка) // Архив русской революции. Т. 2. С. 170.

⁴⁵ «Преданные Вам 93» Николаю II. Письмо без даты // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2112. Л. 1.

⁴⁶ Медичка 1-го курса Е.П. Николаю II. Письмо от 13 марта 1917 г. // Там же. Л. 2.

⁴⁷ 9 воспитанниц Смольного института Николаю II. Письмо без даты // Там же. Л. 3.

⁴⁸ Письмо от воспитанницы Смольного института Николаю II. Письмо без даты // Там же. Л. 7.

человеческую жалось к бывшему императору: «Дорогой государь Николай Александрович! Я недавно прочел в газете о вашей теперешней жизни. Мне вас очень жаль»⁴⁹.

Но человеческое отношение к бывшему оператору было редким исключением. Николай II был все же больше символом, нежели просто человеком, и как символ кто-то его ненавидел, кто-то ему поклонялся, даже молился, как послушник Валаамского монастыря Н.А. Заикин⁵⁰. Офицеры Свеаборгской телеграфной роты, надеясь вызволить из заточения великих княжен, в письмах к Николаю II предлагали жениться на его дочерях⁵¹.

В ожесточенном противостоянии гражданской войны менялось и отношение к бывшему императору. С одной стороны, предпринимались попытки консолидировать монархические силы, с другой, росла ненависть к Романовым, как символу старого мира. Семья Романовых стала заложницей, а затем и жертвой революции. Современники, пытаясь объяснить для себя произошедшее, не оправдывали бывшего царя. «Щупленького офицера не жаль, конечно (где тут еще, кого тут еще «жаль»!), он давно был с мертвечинкой, но отвратительное уродство всего этого – непереносимо», – записала З.Н. Гиппиус в дневнике 6 июля 1918 года⁵². «Николая без суда убили... Сам он все сделал для того, чтобы это случилось», – отметил в дневнике 6 августа 1918 г. и Ю.В. Готье⁵³. «С точки зрения общественной психики, расстрел Николая Романова занимает особое место потому, – считала газета «Наш век», – что на нем тяготели не только личная ответственность, но и грехи многих поколений»⁵⁴.

Современники не могли простить Николаю его вину за развал страны, хотя и понимали, что революция в России имела глубокие и объективные причины – «экономическую революцию»⁵⁵, «мирные изобретения (телеграф, железные дороги и т.д.), разрушавшие государственность и быт»⁵⁶, «отсутствие достаточных прав у сословий, незавершенность реформ»⁵⁷, «изживание «патриархальности деревни» и «патриархальности» вообще в русской жизни»⁵⁸, рост уровня культуры народа и как следствие «интерес к общественной жизни»⁵⁹.

Но все же в крушении монархии обвиняли, прежде всего, саму верховную власть. «Погубила Россию династия не менее чем общественность», – писал В.А. Маклаков⁶⁰. «Внутренняя политика Голштинской династии (эгоизм, деспотизм, жестокость и недальновидность)» – одна из «главных причин гибели России», – считал Ю.В. Готье⁶¹. Как «действительную причину падения монархии в России» квалифицировал А.П. Извольский «безрассудное стремление воскресить и упрочить в XX веке анахронизм самодержавной власти»⁶². Самодержавие, подчеркивал Н. Суханов, «толковалось как источник всех бедствий»⁶³, поэтому, отмечал С.Ю. Готье, «в борьбу

⁴⁹ А. Кузьмин Николаю II. Письмо от 29 января 1918 г. // Там же. Л. 11.

⁵⁰ См.: Заикин Н.А. Памятная книга // ОР РГБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 487. Л. 64.

⁵¹ См.: Н.В. Казымин гражданину Романову. Письмо от августа 1917 г.; В. Никитин гражданину Романову. Письмо от августа 1917 г.; Прапорщик Выглевский гражданину Романову. Письмо от августа 1917 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 18. Л. 236, 238, 240.

⁵² Черные тетради. Из петербургского дневника З.Н. Гиппиус // Звенья. Исторический альманах. М., 1992. Т. 2. Вып. 2. С. 110.

⁵³ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 168.

⁵⁴ Там же. С. 167.

⁵⁵ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли (XIX век). Материалы. Царствование Александра III // Сочинения. М.-Л., 1927. Т. XXIV. С. 168.

⁵⁶ К.Н. Леонтьев В.В. Розанову. 30 июля 1891 г. // РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 11. Д. 40. Л. 27.

⁵⁷ Готье Ю.В. Указ. соч. Запись 25 июля 1917 г. С. 22.

⁵⁸ Ленин В.И. Столыпин и революция // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 329.

⁵⁹ Поссе В.А. По Европе и России. Наблюдения и настроения. 1889-1909. СПб., 1909. С. 366.

⁶⁰ Соблазнитель генералов. В.А. Маклаков И.И. Тхоржевскому. 27 марта 1936 г. // Родина. 1997. № 12. С. 60.

⁶¹ Готье Ю.В. Указ. соч. Запись от 25 июля 1917 г. С. 22.

⁶² Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 176.

⁶³ Суханов Н. Записки о революции. Пг., 1919. Книга первая. Мартовский переворот. С. 33.

с ним вступило 99 % русских»⁶⁴. «Несколько поколений способных, развитых и образованных деятелей были потеряны» режимом и пополнили ряды оппозиции, «между правящими сферами и русским образованным обществом и народом» существовали не просто противоречия, а «глубокий антагонизм»⁶⁵. «Какое тут самодержавие, – записал Л.А. Тихомиров в дневнике 2 марта 1917 г., – если народу внушили отвращение к нему действиями самого же царя»⁶⁶.

Царю, как олицетворению верховной власти, приходилось «нести тяжелую моральную ответственность перед богом, историей и своим народом за ошибки и злоупотребления администрации. Все содеянные ею грехи словно камешек за камешком наполняют суму на плечах монарха и груз с течением времени может сделаться непосильным даже для гиганта», – писал В.И. Ковалевский⁶⁷. Чиновники разного ранга «подрывали престиж власти незаконными действиями»⁶⁸. Налицо был и психологический конфликт между властью и обществом. «Царская власть фактически противопоставляла себя народу. Командующие группы противостояли народу социально и психологически», – считал М. Вишняк, и поэтому «свержение самодержавия как системы политического деспотизма объединяло все партии, классы и национальности России»⁶⁹. «В силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления»⁷⁰.

В условиях же «административного, военного и финансового абсолютизма единственным выходом», единственной возможностью разрешить противоречия была, по мнению Л.Д. Троцкого, революция⁷¹. Кризис был, считал В.И. Ленин, ускорен войной: «Поражения распатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него все классы населения, ожесточили армию»⁷². Аккредитованный в Петрограде корреспондент английской газеты «Таймс» Р. Вильтон в своих записках указывал: «То поразительное напряжение, которое Россия делала в интересах союзников, мобилизуя восемь миллионов человек, вызвало печальные последствия, ибо мобилизация была чрезмерна, оторвала земледельца от земли и собрала по городам тьму недовольных, вооруженных, вполне готовых к восстанию»⁷³.

М. Вишняк образно сформулировал: «Не потому русские солдаты «сделали» революцию, что не хотели больше воевать, а потому и не хотели больше воевать, что нечто подобное «революции» уже «сделалось» в их головах, умах и чувствах.... На тьму и несправие, в котором держала историческая власть «свой» народ, на гнет и отстранение от государственного сотрудничества народы России ответили революцией»⁷⁴. «Не политическая мысль, не революционный лозунг, не заговор и не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и политическую, и военную, и власть самоуправлений. Неизвестное, таинственное и иррациональное, коренящееся в скованном виде в народных глубинах, вдруг засверкало штыками, загремело выстрелами, загудело, заволновалось серыми толпами на улицах»⁷⁵.

⁶⁴ Готье Ю.В. Указ. соч. Запись 21 июля 1917 г. С. 18.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 877. Л. 4.

⁶⁶ Тихомиров Л.А. Дневник // ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 27. Л. 118 об.

⁶⁷ Ковалевский В.И. Воспоминания // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 92.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 663. Л. 17.

⁶⁹ Вишняк М. Февральская революция / Современные записки. Париж, 1927. С. 313, 315.

⁷⁰ Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 1. Первый этап революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 16-17.

⁷¹ Троцкий Л.Д. Итоги и перспективы. Движущие силы революции // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 91.

⁷² Ленин В.И. Указ. соч. С. 15.

⁷³ Вильтон Р. Последние дни Романовых // Последние дни Романовых. С. 385.

⁷⁴ Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 386.

⁷⁵ Станкевич В.Б. Революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С. 239.

Не верилось, что всего лишь три года назад, в начале мировой войны отмечался всплеск монархических настроений. Источники свидетельствуют, что верноподданнические чувства постепенно теряли личную мотивацию. Разрыв между традицией и настоящим породил ценностно-идеологический дефицит, возникла потребность в новом идеале, более адекватном конкретным историческим условиям.

Представления о монархии и реальная политическая практика самодержавия были столь противоречивы, что к весне 1917 года население находилось в состоянии психологического дискомфорта. Склонное к образному восприятию государя, массовое сознание отождествляло личность монарха не только со всей системой власти, но и с вектором наиболее заметных общественных процессов. Действия или бездействие Николая II считали решающей причиной кризиса. Значение обещаний, им даваемых, ожиданий, связанных с его именем, психологически гипертрофировались, и тем сильнее было по имиджу разочарование. Диссонанс между укорененным в массовом сознании идеальным образом царя и реальной фигурой последнего русского императора явился побудительной силой психологической и общественной активности, направленной на преодоление конфликта.

Экзальтация уступила место сначала умеренному критицизму, потом возникло недовольство, вылившееся в протест, и, наконец, восторжествовал радикальный негативизм. Уровень психологической тревожности нарастал день ото дня. Проявлявшиеся на вербальном уровне критические оценки верховной власти в условиях общественной нестабильности способствовали нарастанию агрессивности. Падение уровня жизни подталкивало к активным действиям. Усиливающим дополнительным фактором явился феномен «социального заражения», возникший в Петрограде благодаря скоплению населения и войск. В массовом сознании возобладала тенденция, направленная на разрушение государственности.

THE YEAR OF 1917 – CRASH OF THE IDEAL OF THE SUPREME POWER IN THE SOCIAL CONSCIENCE OF THE RUSSIANS

**G.V. LOBACHEVA
A.K. KARABUT**

*Saratov State
Technical University*

e-mail: karabutak@sstu.ru

The dynamics of the attitude of the Russian society towards the monarchy during the World War I has been analyzed, the causes of sharp fluctuations in the mood of the Russian population has been revealed, evaluation of the historic events of 1917 by the contemporaries has been commented on. It has been shown that the discord between the ideal image of the tsar rooted in the mass conscience and the real figure of the last tsar only aggravated the systemic crisis of the state and was the stimulating power for social activity and conditioned disastrous consequences of social-political transformations.

Key words: monarchy, Russian revolution, mass feeling, contemporaries' opinions.